

Общественно-политический и научно-популярный журнал

«Российский космос» № 6, 2011.

«СЛУЖЕБНЫЙ РОМАН» ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ

В июне 2010 года экипаж космического корабля «оторвался» от Земли и устремился к далекому Марсу. И вот прошел год. За это время на родной планете миновали жаркое лето и осень, проползла зима, отзвенела весна, и вновь наступило лето. А за спиной отважных космических путешественников тысячи километров пути, высадка десанта на поверхность Красной планеты и стыковка корабля со спускаемым модулем. Сейчас экипаж, выполнив свою главную задачу, летит домой. Какие проблемы приходится решать специалистам и участникам проекта сегодня и что ждет их завтра? Об этом и о многом другом мы беседуем с заведующим отделом психологии, психофизиологии и нейрофизиологии деятельности операторов профессором Юрием Бубеевым и опытным психологом, заведующей лабораторией Ольгой Шевченко.

— Невероятное космическое приключение, а на самом деле трудное испытание, продолжается. Но если в начале эксперимента даже аварии воспринимались с энтузиазмом, то теперь все больше чувствуется усталость и раздражение. Что вы делаете, чтобы экипаж сохранил работоспособность и оптимизм?

Ю. Бубеев: По свидетельствам людей, ходивших в дальние морские походы, путь домой — самый сложный, и время тянется гораздо медленнее. У «марсиан» то же самое. Поэтому мы попробуем разнообразить их жизнь: будем моделировать какие-то отказы, неожиданные ситуации, ставить интересные задачи, приглашать на связь значимых для них людей. У экипажа довольно много разных экспериментов. Мы старались распределить их более или менее равномерно, чтобы не возникла скука. Ведь монотония — это самый главный враг. Тем более что накопилась усталость, но пока она в допустимых пределах. Очень важно, чтобы ребята были заинтересованы в получении результатов, новых данных, понимали, насколько они важны. У нас с ними имеется постоянный контакт. Ведь там все люди подкованные, понимающие, грамотные. Просто нужно им немного помочь.

О. Шевченко: На первом этапе все кажется новым и интересным. Но вот каждый рассказал о себе, о своей жизни, они привыкли друг к другу. Ребята стали больше времени проводить в каюте, за компьютером, заниматься какими-то своими делами. И казалось бы, теперь они должны разбежаться. Но произошла очень интересная вещь. Экипаж попросил нас присылать на борт не просто новые фильмы, а двуязычные, титрованные. И все для того, чтобы они могли их обсуждать,

вместе смотреть, сопереживать, включать друг друга в этот эмоциональный процесс, помочь тому же китайскому участнику понять наш любимый «Служебный роман».

Ю. Бубеев: По мере нарастания монотонии придется корректировать психподдержку. Мы будем чаще передавать им блоки новостей, подбирать музыку и фильмы...

О. Шевченко: И для этого появилась масса новых технических возможностей. Мы делаем развлекательные и новостные блоки, идентичные телевизионным. И ребята их уже смотрят как будто у себя дома на диване. На борту есть библиотека из 100 тысяч электронных книг на разные темы и на разных языках, стационарные видео- и аудиотеки. Сейчас можно в формате 3D путешествовать по музеям или заповедникам или «побывать» дома. Это тоже очень хорошая поддержка.

— **Ван Юэ — представитель совершенно иной культуры. Все для него непривычно: еда, традиции, язык, другая философия, привычки товарищей по экипажу. Но и он должен стать частью коллектива...**

Ю. Бубеев: Это одна из задач нашего эксперимента. С европейцами все более или менее понятно, они адаптировались довольно быстро, так как у нас близкие культуры. А Ван Юэ пришлось тяжелее всех. Опять же, русских трое, европейцев двое, а он один. Сейчас стало полегче — исчез языковой барьер. Но сначала Ван Юэ испытывал проблемы с едой, сугубо европейской. И он писал, что это для него самое тяжелое испытание. Во второй части полета расконсервировали более привычную для него лапшу, рис, острые соусы, приправы, и стало полегче. Тем более что сейчас нет балансовых экспериментов, как в начале проекта, когда считалось количество калорий. Теперь они могут меняться продуктами, отдать блюдо другому, как и на МКС. Ван Юэ осознает ответственность перед своей страной, поэтому очень тщательно относится к выполнению всех экспериментов. Никаких претензий в этом плане к нему нет. Он очень дисциплинирован. Но это уже менталитет китайской нации — очень трудолюбивы, упорны, привыкли к лишениям.

— **Изменились ли за это время отношения в коллективе?**

Ю. Бубеев: Такие перестройки происходят постоянно. Это видно по тому, как они сидят во время приема пищи, как играют, кто кому ассистирует в экспериментах. Мы за этим наблюдаем, и пока ничего принципиально нового не возникло.

— **А в конфликты вмешиваетесь?**

Ю. Бубеев: Конечно, какие-то недоразумения случаются. Но ребята молодцы, они не допускают, чтобы это мешало проведению эксперимента и выходило на другой уровень. Известно, что космонавты, особенно в длительных полетах, конфликтуют с ЦУПом. Так и в нашем эксперименте: возникающее иногда недовольство выливается на группу управления полетом. Естественно, это все понимают и шутят, что должность психолога, с которым общаются члены экипажа — «расстрельная». Причиной какого-то недовольства самим собой, условиями, товарищем может стать неточная циклограмма, ошибка, да что угодно, даже безобидная, на наш взгляд, шутка.

О. Шевченко: Если вы помните, в эксперименте СФИНКС у нас происходили серьезные столкновения. А здесь, хотя прошел почти год, таких проблем нет. Это говорит о правильности отбора участников. Мы дали им время пообщаться, немножко сгладить культуральные различия, чтобы Ван Юэ (или как он себя называет — Ваня) не чувствовал себя обособленно. Хотя он и англоговорящий, ему явно не хватало общения на родном языке, и первое время приходилось труднее всех. Но потом китайские коллеги отладили систему психподдержки. Мы же действуем по своей, уже проверенной бортовой системе. Надо сказать, что она немного отличается от европейской. Например, наши коллеги придерживаются поставки некоторой избыточной информации и делают это чаще, ведут более интенсивную переписку. Но это связано с их менталитетом — европейцы привыкли писать много, часто, подробно и стараются ответить сразу. У наших ребят более узкий круг контактов, они меньше общаются, но зато гораздо легче переносят изоляцию. Россияне тоже очень рады письмам из дома, но отвечают не сразу, а через день-два. Им нужно продумать прочитанное, дождаться подходящего состояния, настроиться на общение.

Ю. Бубеев: Экипаж все больше и больше отстраняется от Земли, старается сам решать свои проблемы и чувствует себя автономным. Но психика человека до начала эксперимента одна, а через год — другая. Ведь воздействия могут быть очень сильными. И личность поворачивается какими-то другими своими гранями, о которых ни мы, ни сам человек не догадывались.

О. Шевченко: Экипаж — это единая система. И чем больше они находятся вместе, тем более консолидированные решения принимают. Это говорит о том, что ребята их обсуждают и доносят до нас единую точку зрения, то есть подчиняются единому групповому закону. Бывает, сегодня лидер один (я имею в виду неформальный), завтра кто-то потянул одеяло на себя, потому что в данной ситуации он более компетентен. Но постоянной борьбы за лидерство, за установку своей диктатуры здесь, слава богу, нет. Леша Ситёв — лидер тихий. Он не позиционирует себя как командир, не жаждет власти. Тем не менее, когда моделировалась ситуация с отключением всех систем, он очень быстро и четко расставил всех по своим местам. И никто не сопротивлялся, не возражал. То есть авторитет у него есть.

— **Экипаж спланирует не только работа, но какие-то общие занятия, праздники. Как они их отмечают?**

Ю. Бубеев: О подарках ко дню рождения, о праздниках мы думали еще до начала эксперимента. Но естественно, на такой долгий период всего не предусмотреть. И почти все экипаж делает по собственной инициативе. Например, Ван Юэ рассказывал, что китайцы на свой Новый год запускают бумажные фонарики. Ребята с радостью присоединились к нему и отметили праздник и по-восточному календарю. Пусть это звучало не совсем точно, но они поздравили китайский народ с Новым годом на его родном языке.

О. Шевченко: Ребята вышли из этой ситуации очень достойно, так же как с Хэллоуином и Рождеством, и получили от этого удовольствие. Они большие молодцы! Соорудили елку из картонных коробок, причем два дня обсуждали, как сделать это лучше, как вырезать, ставить ее на палке или без палки...

— **В этих условиях огромное значение имеет физическая нагрузка. Они используют бегущую дорожку и другие тренажеры?**

Ю. Бубеев: Все это у них есть, и ребята с удовольствием тренируются. Более того, был такой период, когда по особой методике одной группе пришлось ограничить такие занятия (перед высадкой десанта). И это стало, пожалуй, самым трудным испытанием для ребят. У них даже настроение упало, они жаловались на недостаток движения. А когда мы разрешили продолжить занятия, они очень обрадовались. Иногда нагрузки на тренажерах не хватает и они даже в каютах отжимаются, ходят по коридорам как по терренкуру. Это тоже экипаж организовал без нашей подсказки, потому что понимает роль физических упражнений. А когда потребовалось освободить марсианский модуль для выхода, они с огромным удовольствием по цепочке передавали ящики, поскольку это отличная физическая нагрузка.

— **Некоторые участники собирались использовать это время с пользой. Чему-то новому они там научились?**

Ю. Бубеев: Александр Смолеевский пишет обзор для своей диссертации. И мы не успеваем ему сбрасывать гигабайты литературы. Мало того, он запрашивает информацию не только по своей тематике, но и по истории, математике, географии, учит китайский язык. Английский он уже неплохо освоил за это время. По-моему, уже все умеют рисовать иероглифы, поют под караоке, играют в шахматы, делают постеры с экипажем — то в черных, то в розовых очках. Сегодня они устроили массовый постриг. Вероятно, им надоели длинные волосы или стало за ними трудно ухаживать. И прислали нам интересный снимок — все в тубетейках как в «Белом солнце пустыни».

— **Хотя специалисты находятся не внутри, а снаружи, их можно назвать полноправными участниками**

эксперимента...

О. Шевченко: И я не знаю, на ком он больше ставится — на них или на тех, кто обеспечивает «полет». Не имея возможности вмешаться в процесс, мы переживаем гораздо больше. Передавая им информацию, мы не должны навредить — кого-то задеть или унижить. Иногда в ответ на шутку неожиданно приходит агрессивный ответ. Значит, ты просто чего-то не знал или не учел. И потом эту ситуацию приходится разбирать, объяснять. Имеет значение даже форма обращения. То они пишут: «Уважаемая Ольга Ивановна...», а то просто «Привет!» Значит, там что-то не так. Я начинаю просматривать свою переписку, возвращаться назад, анализировать все события и слова. На самом деле, это очень тяжелый труд как внутри, так и снаружи. Даже простая радиограмма по эксперименту, содержащая командный тон, может привести к тому, что эксперимент выполнят формально. Поэтому приходится читать все, что приходит оттуда и что идет туда по официальному каналу.

Личная переписка закрыта, но ее частоту и количество мы отслеживаем. Иногда члены семей просят разъяснить, что там происходит. Я даже написала памятку, что желательно писать, а что нет. Речь не о том, чтобы их беречь, просто нужно относиться аккуратнее к каждому слову. Например, кто-то из европейцев сообщил своим о взрыве в Домодедово, и наши возмутились: почему мы им об этом сразу не сказали? Я объяснила, что сначала должна проверить, нет ли среди погибших и пострадавших их родственников и знакомых, а не вбрасывать эту информацию как жареный факт. То же самое было и в 105 сутках. Тогда подряд разбились два французских аэробуса. А мы знали, что один из участников был пилотом аэробуса, и сначала проверили, не сталкивался ли он как инструктор с членами экипажей этих самолетов. Обсудив этот случай с коллегами, мы договорились принимать консолидированные решения. Если, допустим, приезжает кто-то из официальных лиц, мы стараемся, чтобы он, поговорив с тем, к кому приехал, обратился потом ко всему экипажу. Кстати, у них образовался какой-то свой «солнечный», смешанный язык. Я обратила внимание на это, когда они делали елку. Леша говорил по-русски, Рома — по-английски, и они абсолютно точно понимали, что надо делать.

— Что ждет их дальше?

Ю. Бубеев: 13 октября корабль перейдет на спиралевидную орбиту и направится к Земле. Со второй половины сентября на борту уже появится голосовая связь без задержки сигнала, то есть все ограничения снимутся. Сейчас пока имитируется задержка сигнала туда и обратно. Нам предстоит пережить самый сложный период, но надеюсь, что мы сможем справиться со всеми трудностями.

Екатерина Белоглазова